

Лу Циньянь еще секунд десять тупо сверлил взглядом закрытую дверь, прежде чем до него окончательно дошел смысл брошенных Вэнь Цзюэ слов.

— Решил к тебе примазаться? Да за кого ты себя принимаешь?! Несет какую-то чушь безответственную... Больной на всю голову! — не раздумывая, выкрикнул он в сторону выхода.

Он и не подозревал, что Вэнь Цзюэ в этот момент все еще стоял в коридоре. Тот уже собирался уходить, когда до него долетела эта гневная тирада.

Направляясь к своему номеру, Вэнь Цзюэ сохранял внешнее спокойствие, однако его аура заметно похолодела.

Эта единственная фраза, казалось, вытянула из Лу Циньяня последние силы. Выплеснув злость, он рухнул на диван и мгновенно провалился в тяжелый, беспробудный сон.

Спал он так крепко, что проснулся, лишь когда день был уже в самом разгаре. Из-за плотно задернутых штор в комнате царил полумрак, так что Лу Циньянь не сразу понял, сколько сейчас времени.

Голова раскалывалась. Кое-как приподнявшись, он обхватил виски.

Смартфон лежал на кофейном столике. Лу Циньянь потянулся за ним, едва соображая, что делает; перед глазами все плыло, и цифры на экране удалось разобрать не с первой попытки.

До начала съемок оставалось чуть больше часа. Времени на сборы и душ хватало, но из-за сильного головокружения мысли путались, а движения стали тягучими и неловкими.

Стоило ему подняться на ноги, как из-за резкого рывка перед глазами сгустился черный туман. Ноги подкосились, и Лу Циньянь едва не рухнул на пол, прямо как вчера, когда был мертвецки пьян.

Пришлось замереть, ожидая, пока тьма рассеется. Он тряхнул головой, пытаясь прийти в себя.

Затем он коснулся ладонью лба, прикрытого растрепанной челкой. Ощувив неестественный жар, он лишь поморщился, решив не обращать на это внимания, и побрел заниматься делами.

Закончив с процедурами и наспех приняв душ, Лу Циньянь почувствовал, что силы окончательно его покидают. Он снова опустился на диван, чтобы хоть немного передохнуть.

В ванной он едва не растянулся на скользком полу — опять из-за этой проклятой дурноты. Впрочем, он по-прежнему не придавал этому значения, списывая все на похмелье: мол, кровь еще плохо циркулирует, скоро пройдет.

К счастью, вчера он не успел напиться до беспамьятства, так что события вечера помнил отчетливо.

Он помнил, как Вэнь Цзюэ пришел к нему со сценарием, предлагая прогнать сцену. Помнил, что из-за его состояния репетиция провалилась. И, конечно, не забыл, как обозвал Вэнь Цзюэ «больным», когда тот уже скрылся за дверью.

Сейчас при одной мысли об этом на лбу выступил холодный пот. Оставалось лишь надеяться, что Вэнь Цзюэ ничего не услышал, а если и услышал — списал все на пьяный бред.

Съемки продолжались, впереди их ждало еще множество совместных сцен, и меньше всего Лу Циньяню хотелось каждый божий день сгорать от неловкости под взглядом коллеги.

Слабость во всем теле не отпускала. Теперь он понимал, что, скорее всего, подхватил простуду: в горле пересохло и ощущалась неприятная горечь.

Тратить время на чайник он не стал — просто отвинтил крышку бутылки с минералкой и сделал несколько жадных глотков, надеясь, что вода принесет облегчение.

То ли сработал эффект плацебо, то ли холод действительно помог, но на мгновение в горле стало легче. Однако стоило Лу Циньяню отставить бутылку, как дискомфорт вернулся с новой силой.

К постоянному головокружению добавилась тупая, пульсирующая боль. Утешало лишь то, что он все еще видел дорогу и мог разобрать текст в сценарии, а значит, ситуация не была критической.

Сам виноват — нечего было вчера пить, да еще и засыпать на диване без одеяла. Проспал всю ночь под кондиционером даже без пледа — неудивительно, что подхватил жар.

Лао Ван прислал сообщение в WeChat, торопя его на завтрак. Лу Циньянь коротко ответил «Иду», подхватил сценарий и вышел из номера.

У лифта он, как назло, столкнулся с Вэнь Цзюэ. Лу Циньянь невольно заподозрил неладное: уж не подждал ли его этот тип специально, чтобы снова отпустить какую-нибудь колкость?

Несмотря на свинцовую тяжесть в ногах, Лу Циньянь постарался придать себе максимально бодрый вид. Он шел впереди Вэнь Цзюэ, тщательно выверяя каждый шаг — больше всего на свете он боялся споткнуться и дать этому человеку повод для насмешек.

Одна мысль об этом вызывала острую неловкость. Хотя, если сравнивать с сюжетом сегодняшней сцены, позорное падение было еще не самым страшным вариантом.

В лифте они оказались вдвоем. Нажав кнопку этажа, Лу Циньянь демонстративно привалился к стене.

Впрочем, он старался не касаться металлической панели вплотную, сохраняя зазор в пару сантиметров — на случай, если его пошатнет, стена должна была послужить опорой.

За ту минуту, что они ехали вниз, Вэнь Цзюэ не проронил ни слова. Лу Циньянь тоже молчал, тупо уставившись в холодную стальную поверхность двери.

В голове гудело. Сейчас вынужденная тишина была ему только на руку. Сил на пустую болтовню с Вэнь Цзюэ не было, как и желания продемонстрировать свое недомогание.

Раздался мелодичный сигнал, и на табло высветился нужный этаж.

Вэнь Цзюэ вышел первым. Лу Циньянь, подавив очередной приступ дурноты, выпрямился и последовал за ним.

Лао Ван уже ждал за столиком. Заметив Лу Циньяня, он замахал рукой, приглашая его сесть. Тот бросил сценарий на стол и отправился к линии раздачи за едой.

— Сяо Янь-цзы, мне тут подумалось...

Во время завтрака Лао Ван прищурился, разглядывая друга, и сделал многозначительную паузу. Дождавшись, когда Лу Циньянь раздраженно изогнет бровь — мол, «Лао Ван, рожай уже», — он наконец закончил мысль:

— Ты чего такой красный?

— А? — Лу Циньянь машинально коснулся щеки. Кожа и впрямь была горячей.

Конечно, виной тому был жар, но Лао Ван истолковал это по-своему.

Он игриво вскинул брови, скользнул взглядом в сторону столика, где сидел Вэнь Цзюэ, и снова уставился на Лу Циньяня.

— Ты зашел сразу за Вэнь Цзюэ, а лицо у тебя полыхает с самого порога. Ну и? Ты и он... у вас там что?..

Лу Циньянь недовольно нахмурился.

— Мы просто столкнулись в коридоре. За всю дорогу ни слова друг другу не сказали. Прекрати

фантазировать, ты что, забыл всё, о чем мы говорили раньше?

— Не забыл, не забыл. Ладно, молчу про «кое-кого», — Лао Ван мгновенно посерьезнел. — Но если без шуток, что с тобой? Почему ты так раскраснелся?

— Вчера пришел и вырубился прямо на диване. Ни одеяла, ни пледа... Продуло, наверное, — Лу Циньянь продолжал ковыряться в тарелке, стараясь говорить как можно равнодушнее. — Ерунда, до свадьбы заживет.

— Да у тебя же лихорадка, — Лао Ван потянулся к его лбу, чтобы проверить температуру.

Лу Циньянь уклонился, отклонившись назад.

— Лао Ван, правда, всё нормально. Дай мне поесть, нам пора на площадку.

— Ладно-ладно. Ешь давай, силы тебе сегодня понадобятся.

Видя такой рабочий настрой, Лао Ван не стал больше докучать расспросами, хотя вид Лу Циньяня — от пылающих щек до самых кончиков ушей — внушал ему нешуточное беспокойство.

Когда Лу Циньянь и Лао Ван приехали на съемочную площадку, Вэнь Цзюэ уже был там.

Весь сегодняшний план съемок Лу Циньянь проработал заранее: сценарий пестрел пометками, сделанными красной ручкой. Еще пару дней назад он мучительно размышлял над каждой деталью.

Он пытался представить сцену, где Линь Еци заслоняет Чу Фаня от летящих бамбуковых шестов. Выходило, честно говоря, так себе — картинка в голове не складывалась, и ему приходилось буквально заставлять себя вживаться в роль, выискивая мотивы своего героя.

Ту сложную смесь гнева и безграничной заботы о Чу Фане, которую требовал сценарий, при его нынешнем уровне мастерства передать было чертовски трудно.

Лу Циньянь начал всерьез жалеть о вчерашних посиделках с шашлыками и выпивкой. Если бы не этот загул, он бы вчера точно отрепетировал всё с Вэнь Цзюэ. И стиль игры партнера прощупал бы, и паре приемов научился.

Но сослагательного наклонения жизнь не знала. Шанс был упущен.

Лу Циньянь сидел в кресле для отдыха и в течение пяти минут сверлил взглядом сценарий.

Всего пять минут — но от обилия мелкого почерка голова пошла кругом. Боль вернулась, а румянец на щеках стал еще ярче.

Отложив сценарий, он откинулся на спинку и закрыл глаза, осторожно массируя виски.

Сидящий рядом Лао Ван, листавший ленту Weibo, краем глаза заметил его состояние. Отложив телефон, он участливо спросил:

— Что, Сяо Янь-цзы, похмелье всё-таки мучает?

— Нет, я давно протрезвел. Просто в глазах рябит от текста, — Лу Циньянь понимал, что эта тошнотворная слабость — симптом болезни, а не вина алкоголя. — Сейчас полежу немного, и пройдет.

Лао Ван глянул на раскрытый сценарий, лежащий на коленях друга, и не удержался от шпильки:

— А не надо было всё черным и красным разрисовывать так, что живого места не осталось. Тут у любого глаза вытекут через две секунды, а ты в него пялишься битый час.

— Да-да, мой косяк. В следующий раз буду отдельно в тетрадь записывать, — пробормотал Лу Циньянь. В ушах начало противно звенеть.

— Вот это уже другой разговор, — Лао Ван снова покосился на исчерканные страницы. В глубине души он не мог не признать: Лу Циньянь действительно изменился, начал работать над собой с пугающим рвением.

— Кстати, вы с Вэнь Цзюэ эту сцену прогнали? Понимаешь, как играть? — неожиданно оживился ассистент.

Лу Циньянь не ответил сразу. Он сидел, закрыв лицо руками, пытаясь скрыть усталость. Лишь спустя несколько секунд он убрал руки и, нацепив маску спокойствия, выдавил:

— Нет. Времени не было.

Лао Ван вздохнул — он так и думал.

— И как, уверен в успехе?

— Ни капли, — Лу Циньянь честно покачал головой и снова потянулся за сценарием.

— Ну, хотя бы честно, — Лао Ван похлопал его по бедру и больше не мешал.

На самом деле Лу Циньянь не мог прочесть ни строчки. Он надеялся, что пара минут покоя прогонит дурноту, или хотя бы притупит ее.

Но надежды не оправдались. Напротив, головокружение усилилось, а буквы — и печатные, и его собственные пометки — окончательно расплылись в неразборчивые пятна.

— Сяо Лу!

— Сяо Лу!

Голос режиссера Фаня донесся откуда-то издалека. В первый раз Лу Циньянь даже не среагировал. Только когда режиссер прикрикнул громче, он резко вскочил, обращившись на зов.

Этот резкий подъем стал роковой ошибкой. Перед глазами мгновенно вспыхнула тьма. Если бы Лао Ван не успел вовремя подхватить его под локоть, Лу Циньянь рухнул бы прямо на месте.

— Послушай, тебе лучше показаться нашему врачу, — в голосе Лао Вана звучала искренняя тревога. — Ты же на ногах не стоишь, какие тут съемки?

Лу Циньянь слабо кивнул, благодаря друга за поддержку.

Поначалу он думал, что это пустяк — мол, отснянусь, приду в номер, закинусь таблетками и выплюсь, а к утру буду как огурчик.

Но непроглядный туман перед глазами недвусмысленно намекал: пора звать медиков.

Впрочем, сначала нужно было закончить работу.

Высвободившись из рук Лао Вана, Лу Циньянь медленно побрел в сторону режиссера Фаня. Ноги были ватными, но он заставил себя выпрямиться и собрать волю в кулак. Отыграть надо во что бы то ни стало.